

ЛИНГВИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 372.881.161.1
ББК 4426.819=411.2,3

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

А. М. Плотникова
Екатеринбург, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (ПО ДАННЫМ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)¹

Аннотация. Словари, в которых лексика систематизирована по тематическим или семантическим классам, востребованы в преподавании русского языка как иностранного и русского языка как неродного. В школьной практике преподавания русского языка они могут применяться для пополнения словарного запаса учащихся и теоретического осмысления лексики как системы взаимодействующих классов слов. Идеографические словари служат средством изучения языковой концептуализации и категоризации мира и, следовательно, становятся источником лингвокультурологических и когнитивных исследований. Наиболее сложно организованными в идеографических словарях являются классы слов, отображающие внутренний мир человека («Эмоции», «Речь», «Интеллект»). В статье сопоставляются сетки идеографических словарей русского языка с целью выявления сходств и различий в словарном представлении лексического материала. Устанавливаются причины расхождения состава групп в разных словарях. На примере классов слов, обозначающих черты характера, обнаруживаемые в поведении человека, выделяются такие семантические константы, как *смелость* и *трусость*, *доброта* и *жестокость*, *искренность* и *лицемерие*, *вежливость* и *невежливость*, *честность* и *обман*. Наряду с константами внутреннего мира человека, в некоторых идеографических словарях выделяются группы единиц, объединенные в классы по признаку интенсивности проявления свойства (например, *азарт*, *инертность*) или по признаку отношения к норме (*странность*, *аморальное поведение*). Их появление обусловлено несимметричностью лексической системы, отражающей интенсивные эмоции и аномалии в поведении.

Ключевые слова: идеографические словари; классы слов; русский язык; внутренний мир человека; методика преподавания русского языка; методика русского языка в школе.

A. M. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

SEMANTIC CONSTANTS AND VARIABLES OF HUMAN MIND IN IDEOGRAPHIC DICTIONARIES

Abstract. Dictionaries which systematize lexis into certain thematic or semantic classes are widely used in teaching Russian as a foreign language. In Russian schools, such dictionaries can be used to build and expand learners' vocabulary and to enable them to take a more theoretical approach to lexis as a system of interconnected classes of words. Ideographic dictionaries can also serve as valuable sources in linguistic, cultural, and cognitive studies of the ways language conceptualizes and categorizes the world. The most complex word classes in ideographic dictionaries are those reflecting the work of human mind ('Emotions', 'Speech', 'Intellect'). This article compares grids of ideographic dictionaries of the Russian language to reveal similarities and differences in the way these dictionaries present the lexis and to identify the causes of these differences. For instance, in word classes referring to personality traits and their manifestations in human behaviour there are such semantic constants as *courage* and *cowardice*, *kindness* and *cruelty*, *sincerity* and *hypocrisy*, *politeness* and *impoliteness*, *integrity* and *deceitfulness*. Along with the constants of human mind, some dictionaries also point out lexical units grouped into classes based on the degree of intensity of qualities (for example, *passion* or *inertia*) or relation to the norm (*oddity*, *immoral behaviour*). These classes demonstrate the asymmetry of the lexical system, which reflects intensive emotions and anomalies in behaviour.

Keywords: ideographic dictionary; class of words; Russian language; inner world of a person; methods of teaching Russia; methods of teaching Russian at school.

Идеографические словари, в которых лексика представлена в виде систематизированных по семантическим или тематическим принципам классов слов, первоначально создавались в учебных целях и позиционировались как словари учебного типа [Лексическая основа русского языка]. Задача идеографического словаря — «возбуждать в сознании пользователя крупные блоки единиц, связанные с отражением действительности» [Караулов 2010: 155].

В последние годы такие словари, помимо выполнения своей основной прикладной задачи, становятся источником научных исследований, направленных на реконструкцию языковой картины мира. Лингвокультурологическая ориентированность идео-

графических словарей декларируется их составителями, что отражено как в названиях словарей: «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» [Шведова 2011], Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации [Концептосфера 2010], так и во вводных частях [Словарь-тезаурус синонимов русской речи 2007].

Принципы классификации лексических единиц в идеографических словарях зависят от множества факторов: объема словника, охвата частей речи, ориентированности на денотативные или семантические принципы распределения слов, степени дробности типологии, дифференциации значений и др.

Л. Г. Бабенко, указывая на единство основного принципа идеографических словарей — «от понятия к слову», пишет, что «сам набор понятий, базовых

¹ Исследование выполнено за счет гранта российского научного фонда (проект № 16-18-02005)

категорий, формирующих семантические поля, пересекается, но не совпадает в полном объеме в разных словарях», что дает основания для вывода о том, что «идеографический словарь, являя собой отображение знаний человека о мире, в то же время представляет собой и интерпретацию мира с позиций лексикографа как интерпретатора с учетом его научных установок, лексикографических принципов и даже особенностей его как языковой личности» [Бабенко 2016: 10].

Та часть идеографических словарей, которая связана с фиксацией мира живой и неживой природы (животные, растения, камни и др.), оказывается более или менее единообразно отраженной в словарях ввиду того, что границы данных категории являются довольно четкими и ориентированными на отображение фрагментов действительности, в результате чего лексическая категоризация опирается на денотативную. Некоторые сложности отнесения объекта в тот или иной класс обусловлены известными расхождениями научной, наивной и профессиональной категоризации, например, вызывает споры категориальная принадлежность арбуза, называемого ягодой в ботаническом смысле, овощем в сельскохозяйственной науке и фруктом в наивной картине мира. По словам Е. В. Дзюбы, «в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира один и тот же объект реальной и / или воображаемой действительности может являться членом разных категорий языкового сознания и, таким образом, может носить разные категориальные имена» [Дзюба 2015: 245].

Значительные расхождения обнаруживаются в тех зонах идеографических словарей, которые связаны с отображением внутреннего мира человека: речевой и интеллектуальной деятельности человека, эмоций и поведения.

В центре данной статьи — сопоставление различных идеографических словарей с целью выявления общих и специфических для каждого словаря классов, характеризующих внутренний мир человека. Такое сопоставление позволяет обнаружить лексические единицы, которые отражены во всех словарях идеографического типа, и, следовательно, претендуют на статус константных, прототипических. Следует отметить, что именно в этих зонах словарей обнаруживаются наиболее значительные расхождения. При классификации лексики, относящейся к семантической сфере «Интеллект», совпадения обусловлены универсальностью таких когнитивных процессов, как память, воображение, мышление, что отражено в словарях. Расхождения в классификации лексики, обозначающей речевую деятельность, связано со степенью дробности выделения речевых актов.

В сфере лексики эмоций и поведения, обусловленного эмоциями, расхождения объясняются комплексностью семантики слов, наличием семантических признаков, позволяющих соотнести слово с разными классами. основополагающим принципом словарей, создаваемых под руководством Л. Г. Бабенко, является оппозитивность, которая проявляется в выделении в качестве противопоставленных таких

групп, как *смелость* — *трусость*, *доброта* — *жестокость*, *скромность* — *высокомерие* и др., а также в фиксации синонимико-антонимических гнезд в структуре словарной статьи. В Русском семантическом словаре также выделяются группы слов, называющие проявления в поведении эмоциональных состояний, но в силу сложной дифференциации эмоций единицы объединены в кластеры, например слова *амбиция*, *апломб*, *барство*, *важничанье*, *высокомерие*, *геройство*, *гонор*, *горделивость*, *гордость*, *гордыня*, *заносчивость* и др. помещены в рубрику, название которой включает разные эмоциональные состояния и их проявления «Эгоизм, горделивость, высокомерие, самоуверенность, хвастливость».

Осмысляя образ человека по данным языка, Ю. Д. Апресян пишет: «Человек мыслится в русской языковой картине мира <...> прежде всего как динамическое, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий — физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния — восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия» [Апресян 1995: 352]. Выделенные Ю. Д. Апресяном восемь типов систем, каждая из которых описывается через семантический примитив, имеют внутреннюю иерархию, разбиваются на подсистемы, при этом одни из систем относительно автономны, другие активируют смежные подсистемы. Например, «основные речевые акты в обязательном порядке предполагают параллельное действие по крайней мере трех других систем — интеллекта, желаний и физической деятельности» [Там же: 362].

Внутренний мир человека связывается с интеллектуальной, эмоциональной и речевой сферами, которые являются наименее автономными системами и взаимодействуют как между собой, так и теми подсистемами, которые формируют человека как социальное существо. В Русском семантическом словаре лексические группы единиц, называющих различные эмоциональные состояния, и группы единиц, называющих особенности поведения, включены в один класс, поскольку поступки и поведение могут быть мотивированы складом характера, особенностями психической сферы человека. Например, в один идеографический класс входят слова *великодушие*, *доброта*, *мягкость*, *незлобивость*, *терпимость*, *чуткость* и другие лексические единицы, объединяющие черту характера с ее проявлением в поведении. Иным способом решается проблема словарного отражения пересекаемости в словарях, создаваемых под руководством Л. Г. Бабенко. Идея пересекаемости лексических парадигм, нашедшая отражение как в теоретических работах [Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм 1997], так и в лексикографических проектах, становится основанием для выделения особых типов совмещенных значений.

По данным словаря-тезауруса синонимов русской речи [Словарь-тезаурус синонимов русской речи 2007], синонимический ряд с доминантой *лицемерие* зафиксирован в группе «Неискренность»,

входящей в денотативную сферу «Эмоции», а также в группе «Честное и нечестное поведение человека», относящейся к денотативной зоне, обозначенной как «Социальная сфера жизни человека». Включение данных единиц в обе группы представляется вполне оправданным и обусловленным комплексной семантикой, зафиксированной и в толкованиях традиционных словарей, ср.: *лицемерие* — «поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью» [Ожегов, Шведова 1994].

Пересечения эмоционального и социального охватывают целые семантические классы. Например, в сфере «Эмоции» выделяется класс «Смелость — трусость». Можно предположить, что лексические единицы, соотносимые с семантикой трусости и содержащие в своих значениях компоненты *страх, боязнь*, в большей степени связаны с эмоциональным состоянием человека, чем их оппозитивные корреляты *смелость, храбрость, героизм, мужество, отвага, удача*, имеющие социальный смысл. Это предположение находит свое подтверждение в контекстах, где такие имена качеств, как *храбрость, героизм, мужество* соединяются с социальными смыслами выполнения долга, борьбы, испытаний. Вместе с тем и то, и другое качество (трусость и смелость) имеют и психофизиологическую основу, проявляются в поведении и речи, и даже могут рассматриваться как свойства, присущие человеку изначально: «*И вот, представь себе, ген, ответственный, например, за голубую окраску радужной оболочки, находится непосредственно рядом с геном, обуславливающим трусость или мужество!*» (Л. Улицкая). Все эти факторы определяют сложности в работе лексикографа, которому необходимо дать такое толкование значения, отражающее комплексность семантики слова и отвечающее требованию полноты и достаточности. Справедливо критикуя замкнутый круг в толкованиях слов, называющих эмоции или характеризующих черты характера человека, И. М. Кобозева и Н. Ю. Лукашевич предлагают описывать такие имена через шаблоны поведения. В онтогенезе шаблоны поведения, по-видимому, усваиваются вместе с соответствующими словами, представленными в контексте «лучших примеров», т. е. описаний ситуаций наиболее яркого проявления данной черты характера. Для установления шаблонов поведения, как и других стереотипов, по мнению И. М. Кобозевой и Н. Ю. Лукашевич, могут быть использованы как экспериментальные методы на ономазиологическую пригодность слова, так и методы семантического анализа, основанные на анализе репрезентативной выборки контекстов и сочетаемости исследуемых единиц. В результате авторы предлагают давать толкования, аналогичные тому, что приводится для слова «откровенный»: *Человек X — искренний — если X говорит о своих чувствах, желаниях, убеждениях или демонстрирует их своими действиями, то X действительно имеет соответствующие чувства, желания или убеждения и демонстрирует их не для того, чтобы получить выгоду для себя. Такой человек, например, если во время чествования известного артиста подходит поздрав-*

ить юбиляра, то не «по служебной необходимости», а потому что действительно восхищается его талантом; если называет себя другом, то не перестанет общаться с человеком потому, что узнал, что родственник того сидел в тюрьме; признается в любви объекту своих чувств, даже если знает, что скорее всего будет отвергнут; если вступает в какую-либо политическую партию, то потому, что разделяет ее взгляды [Кобозева, Лукашевич 2002: 57]. Как видно из приведенного примера, эмоциональное описывается через социальные проявления, сущности внутреннего мира человека способны определять социальное поведение человека.

Такое взаимодействие идеографических классов, казалось бы, делает менее прозрачной сетку идеографического словаря. В то же время фасетный принцип классификации, используемый в идеографических словарях коллектива под руководством Л. Г. Бабенко, позволяет увидеть комплексность, разветвленность, гибкость системы пересекающихся классов слов, что определяет широкие возможности выражения разнообразных семантических и прагматических контекстных смыслов. Номинативная плотность слов, входящих в ту или иную группу, глубина семантической разработанности позволяет рассматривать в качестве константных для внутреннего мира человека такие свойства характера, обнаруживаемые в поведении, как *вежливость — невежливость, честность — обман, скромность — хвастовство, смелость — трусость, щедрость — скупость*.

Идеографические словари разных видов обнаруживают единодушие в выделении некоторых семантических классов. Во всех идеографических словарях выделяется группа «Страх», однако состав этой группы не совпадает. В РСС в нее включаются слова *беспокойство, тревога, треволение, нетерпение*, в то время как в Словаре-тезаурусе синонимов русской речи они выделены в самостоятельную группу «Беспокойство». Существующие расхождения обусловлены трудностями классификации эмоций в литературе по психологии. По словам В. И. Шаховского, «лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом», при этом он говорит о формирующейся научной области — эмотиологии, то есть лингвистике эмоций, которая «использует данные когнитологии об эмоциях и пытается разработать свою — лингвистическую концепцию эмоций» [Шаховский 2010: 18].

В обоих словарях в группу «Страх» не включаются слова, связанные с внешним проявлением страха, такие как *дрожь, оцепенеть, похолодеть* и др. Слова, характеризующие внешние проявления эмоций в словарях-тезаурусах английского языка, обычно включаются в ту же статью, что и обозначение эмоции. Кроме того, в словаре «Roget's Superthesaurus» в словарной статье «fearful» выделено две подгруппы: в первую группу входят прилагательные, описывающие состояние субъекта, который испытывает страх, во вторую группу включены прилагательные, описывающие объект, внушающий субъекту страх. Во второй группе среди других перечислены прилагательные, связанные с состоянием организма человека, испытывавшего страх

(*hairraising, bloodcurdling, adrenalizing, heart-pounding, paralyzing*). [Roget's Superthesaurus 2003: 233]. В других словарях английского языка отмечена связь между эмоцией страха и состоянием шока, появляющимся при возникновении неожиданной и потенциально опасной для человека ситуации [The Concise Oxford Thesaurus].

Несомненно, причины расхождения состава групп обусловлены концепцией каждого словаря. Кроме того, словарь не может игнорировать факты языковой системы, которая фиксирует аномалии в поведении и не замечает норму. Вероятно, существуют также лингвокультурологические причины несовпадения состава идеографических классов. Так, А. Вежбицкая понятие *emotion* в английском языке связывает с тремя элементами: чувством, мышлением и физиологическими ощущениями. По ее мнению, понятие *feeling* универсально, так как имеет соответствия в любом языке, в то время как понятие «emotion» связано с культурой английского языка и у него нет точных соответствий в других языках [Wierzbicka 1999: 2–4]. По мнению исследовательницы, слова, обозначающие на первый взгляд схожие эмоции в разных языках, не вполне эквивалентны друг другу из-за культурных особенностей каждого народа. Сопоставляя лексические единицы *притворяться* и *to pretend*, А. Н. Гладкова видит лингвоспецифичность в том, что в русском языке притворство связывается с представлениями о правде, а в английском — с представлениями о фактах и знании, что определяет негативное отношение к притворству в русской языковой картине, где в притворстве часто усматривается неискренность, а не игровое начало, как в английском [Гладкова 2010]. Идеографические словари предоставляют богатый материал для наблюдений и исследований сопоставительного характера. Использование идеографического словаря в школьной практике преподавания русского языка обогащает словарный запас, развивает языковое чутье, а сопоставление семантических групп в разных языках может способствовать усилению межпредметных связей.

Миромоделирующая природа идеографических словарей, в которых находят отражение знания человека о структуре и типах лексических категорий, позволяет исследователям обращаться к этим словарям как к источнику сведений о способах и моделях категоризации мира.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.

Бабенко Л. Г. Классы слов в аспекте идеографической лексикографии: принципы выделения, формирования состава и описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 10–14.

Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 304 с.

Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. — Екатеринбург, 2015. — 286 с.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Либроком, 2010. — 360 с. — С. 214.

Кобозева И. М., Лукашевич Н. Ю. Универсальный семантический базис сопоставительного изучения лексики // Филология и культура. — 2012. — № 2 (28). — С. 54–57.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 340 с.

Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1984. — 1168 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АЗЪ, 1994. — 928 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам значений и слов / РАН; Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 1998. — Т. III. — 630 с.

Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011. — 1032 с.

Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Э. В. Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 556 с.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М.: Издательство АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007 — 512 с.

Шаховский В. И. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. — 4-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 128 с.

McCutcheon M. Roget's Superthesaurus. — 3rd ed. — Cincinnati, Ohio: Writer's Digest Books, 2003. — 672 p.

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 361 p.

REFERENCES

Aprsyanyan Yu. D. Izbrannyye trudy. T. II. Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. — 767 s.

Babenko L. G. Klassy slov v aspekte ideograficheskoy leksikografii: printsipy vydeleniya, formirovaniya sostava i opisanija // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii. — 2016. — № 5. — S. 10–14.

Gladkova A. N. Russkaya kul'turnaya semantika: Emotsii, tsennosti, zhiznennyye ustanovki. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. — 304 s.

Dzyuba E. V. Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom yazykovom soznanii. — Ekaterinburg, 2015. — 286 s.

Karaulov Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya. — M.: Librokom, 2010. — 360 s. — S. 214.

Kobozeva I. M., Lukashevich N. Yu. Universal'nyy semanticheskyy bazis sopostavitel'nogo izucheniya leksiki // Filologiya i kul'tura. — 2012. — № 2 (28). — S. 54–57.

Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii / pod obshch. red. L. G. Babenko. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. — 340 s.

Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: Kompleksnyy uchebnyy slovar' / pod red. V. V. Morkovkina. — M.: Russkiy yazyk, 1984. — 1168 s.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: AZ", 1994. — 928 s.

Russkiy semanticheskyy slovar'. Tolkovyy slovar', sistemativirovanny po klassam znacheniy i slov / RAN; In-t rus. yaz.; pod obshchey red. N. Yu. Shvedovoy. — M.: Azbukovnik, 1998. — T. III. — 630 s.

Russkiy ideograficheskyy slovar': Mir cheloveka i che-lovek v okruzhayushchem ego mire (80 kontseptov,

otnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy i material'noy sferam zhizni cheloveka) / otv. red. akad. N. Yu. Shvedova. — M.: Azbukovnik, 2011. — 1032 s.

Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm: Pamyati E. V. Kuznetsovoy / pod obshch. red. L. G. Babenko. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1997. — 556 s.

Slovar'-tezaurus sinonimov russkoy rechi / pod obshch. red. prof. L. G. Babenko. — M.: Izdatel'stvo AST-PRESS KNIGA, 2007 — 512 s.

Shakhovskiy V. I. Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. — 4-e izd. — M.: LIBROKOM, 2010. — 128 s.

McCutcheon M. Roget's Superthesaurus. — 3rd ed. — Cincinnati, Ohio: Writer's Digest Books, 2003. — 672 p.

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 361 p.

Данные об авторе

Анна Михайловна Плотникова — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: annamp@yandex.ru.

About the author

Anna Mikhailovna Plotnikova — Doctor of Filology, Professor of the Department of Contemporary Russian language and applied linguistics, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).